

Таким образом, одна из многочисленных целей «Слоу фуд» – борьба за идентичность и отстаивание национальной самобытности, которые разрушаются в процессе глобализации и стандартизации.

Список литературы

1. *Борисова Д. С.* «Слоу фуд»: сохранение нематериального культурного наследия Италии // Вестн. СПбГУКИ. 2017. № 4 (33) декабрь.
2. *Ilmanifesto dello Slow-food//Slow-food.* URL: <http://www.slowfood.it/chi-siamo/che-cose-slow-food/> (дата обращения: 08.04.2018).
3. *Маркушкина Н. С.* Концепт «еда» в контексте диалога культур? дис. ... канд. культурологи. Иваново, 2014 // Электронная библиотека диссертаций. URL: <http://www.dslib.net/teorja-kultury/koncept-eda-v-kontekste-dialoga-kultur.html> (дата обращения: 10. 04. 2018).
4. *Ilmanifesto dello Slow-food//Slow-food.* URL: <http://www.slowfood.it/chi-siamo/che-cose-slow-food/> (дата обращения: 08.04.2018).
5. *Николаева Ж. В.* К вопросу о современном понимании культурной идентичности итальянцев // *Studia Culturae.* URL: <http://iculture.spb.ru/index.php/stucult/article/view/457> (дата обращения: 09. 04. 2018).

Д. Н. Ткач

*Московский государственный институт
международных отношений (Университет) МИД России
Москва*

Публичная дипломатия в контексте эволюции внешней политики постсоветской России

Распад СССР стал переломным моментом в развитии независимого российского государства и всех присущих ему атрибутов, включая весь комплекс внешнеполитических инструментов. В статье предпринята попытка вписать развитие института публичной дипломатии в рамки эволюции комплекса внешней политики России после распада СССР. Принимая во внимание, что формирование внешней политики и в особенности внедрение во внешнеполитический курс ресурсов «мягкой силы» неразрывно связано с народным осознанием места своего государства на мировой арене, видится оправданным проследить внутригосударственные процессы строительства национальной идеи постсоветской

России. Таким образом, статья представляет собой обобщенную синхронизацию трех треков развития России в постсоветский период: эволюция внешнеполитической концепции, формирование национальной идеи и становление публичной дипломатии.

Ключевые слова: публичная дипломатия, внешняя политика России, национальная идея, «мягкая сила», распад СССР.

Tkach D. N.

Public Diplomacy in the Context of the Evolution of Foreign Policy in Post-Soviet Russia

The collapse of the USSR became a critical point for the development of the independent Russian state and for all its inherent attributes, including the whole complex of foreign policy instruments. The article is an attempt to put the development of the public diplomacy institution in the framework of the evolution of the Russian foreign policy complex after the collapse of the USSR. Taking into consideration the fact that the elaboration of the foreign policy, and in particular the introduction of “soft power” resources into the foreign policy course, is strongly connected with the people’s understanding of the nation’s place on the international stage, it seems appropriate to look at the internal processes of national idea building in post-Soviet Russia. Therefore, the article is a generalized synchronization of three tracks of Russia’s development after the collapse of the USSR: foreign policy concept evolution, national idea building and public diplomacy development.

Keywords: public diplomacy, Russian foreign policy, national idea, “soft power”, the collapse of the USSR.

Начало 1990-х гг. ознаменовало серьезные перемены в распределении силы на мировой арене. Распад СССР привел к образованию новых независимых государств на евразийском континенте, что сформировало очередную волну нациестроительства [1, с. 417]. Для бывших советских республик, в том числе и для России, процесс формирования национальной идентичности и соответствующего поиска себя в мировом пространстве видится особенно сложным. Связаны такие трудности с тем, что приход к власти в СССР новой политической элиты с идеологическими установками, игнорирующими и дискредитирующими сложившиеся в Российской империи до XX в. устоями и ценностными ориентирами, обеспечил разрыв между общественным сознанием до и после Первой мировой войны и Великой российской революции [2]. Будучи оторванным от естественного процесса

национального развития, почти целое столетие общественный уклад характеризовался доминированием набора ценностей коммунистической идеологии.

С распадом СССР ушел в небытие определявший жизнь советского человека спектр идейно-ценностных ориентиров, образовав после себя некий «идейный вакуум», который по вполне понятным причинам стали заполнять западные установки. Процесс этот начался еще до 1991 г. с перестройкой, которая приподняла железный занавес и позволила культурным течениям с Запада просочиться в советское общество. Стремление к свободе в сознании человека СССР приводила к столкновению с продиктованной властью моралью, выражавшемся, например, в противостоянии государственного аппарата и представителей более открытых и продвинутых (неофициальных) течений в искусстве. С 1991 г. заполнению «идейного вакуума» способствовал и выбранный внешнеполитический курс.

Первый период современной внешней политики России (по А. Д. Богатурову) – период «демократической солидарности» (1991–1996 гг.) – характеризовался ассоциацией российских интересов с западными [3, с. 54–58]. Сложившиеся неблагоприятные условия по многим направлениям (сокращение территории, глубокий экономический кризис, социальные недовольства, а также отсутствие союзников на мировой арене) заставили Россию искать признания у Запада – у США и Европы – своих внутренних преобразований [4, с. 501–516]. Принцип открытости в отношении Запада декларировался в Концепции внешней политики 1992 г., как и во времена перестройки под воздействием политики «нового политического мышления».

Главной целью для России на данной стадии было понимание своего статуса в новой системе международных отношений. Для этого во многом было необходимо дать оценку предшествовавшему периоду: чем для России стала советская эпоха? как оправдать провалившийся план строительства коммунизма? Попытки каким-либо образом сформулировать национальную идею для постсоветского российского общества оказались неудачными. Высказываясь о «естественной исторической и культурной преемственности» [5] Б. Н. Ельцин не апеллирует систематически к дореволюционному прошлому России. В отдельных случаях прослеживается стремление описать советский период российской государственности как эпоху забвения, в особенности во время предвыборной кампании 1996 г. Вновь созданный День примирения и согласия 7 ноября

1996 г. не закрепился [6, с. 182–189]. Таким образом, никакой национальной идеи, которая стала бы жизнеспособной альтернативой советской идеологии, российскому обществу предложено не было. Б. Н. Ельцин по сути дает России возможность развиваться под влиянием западных течений в культуре и привлекательных идей либеральной демократии, которые уже пытались прорваться через «железный занавес» в 1980-е гг. Это позволяет сделать вывод, что российская общественность на данном этапе своего развития была скорее субъектом публичной дипломатии западных государств, что подтверждается отсутствием какой-либо значительной дискуссии о применении ресурса «мягкой силы» до конца 1990-х гг. и стихийностью культурных контактов с Западом.

В период «избирательного партнерства» (1996–2006) Россия начинает более активно защищать свои собственные интересы на мировой арене. Россия не отклоняется от вектора сотрудничества с Западом, но делает это уже не безоговорочно, ведет себя более предусмотрительно. На этом этапе эволюции внешней политики России возникает предложенная министром иностранных дел Е. М. Примаковым концепция мировой многополярности [3, с. 58–62]. Позже именно с этой концепцией мировое сообщество стало ассоциировать место России на международной арене.

В 2000-е гг. в формировании национальной идеи наблюдается установка на сочетание западных ценностей и самобытного, присущего исключительно России способа их реализации. В. В. Путин пытается сформировать в обществе образ «великой державы» применительно к России, несмотря на то, что понимание России как «великой державы» вкладывалось в национальную концепцию внешней политики и до 2000-х гг. [4, с. 501–516]. Новый глава государства предлагает российской общественности комплекс научных и культурных достижений, взятых как из советского, так и из имперского прошлого России [7, с. 189–196]. Такой эклектичный подход к формированию национальной идеи как раз нацелен на обеспечение заявленной Б. Н. Ельциным преемственности в национальном развитии России. В 2005 г. в послании Федеральному Собранию В. В. Путин называет распад СССР «крупнейшей геополитической катастрофой века», то есть задает установку на восприятие советской эпохи как естественного процесса исторической эволюции российской государственности.

Именно в этот момент формируется стимул для развития российской публичной дипломатии. Появляются символы, которые

можно «экспортировать», – достижения науки и культуры советского и имперского периодов, военные победы России, успехи в освоении космоса в XX в. Победа советского народа во Второй мировой войне позиционируется как спасение мира от фашизма, что подчеркивает гуманистическую миссию СССР и его преемницы России. Стремление улучшить имидж страны за рубежом прослеживается впервые в Концепции внешней политики России 2000 г., [8] а также в обращении президента к послам и постоянным представителям России в 2004 г.: «посольства и другие зарубежные представительства должны принять активное участие в формировании непредвзятого благоприятного представления о внутренней и внешней политике Российской Федерации, о ее истории, о ее культуре, о сегодняшнем развитии» [9]. В 2005 г. был создан первый российский информационный телеканал, вещающий на иностранном языке, – «Russia Today», ставший впоследствии ярчайшим примером проецирования в мировое пространство российской «мягкой силы».

С 2006 г. в контексте эволюции российской внешней политики перед Россией стоит задача соотнесения своих внешнеполитических амбиций с растущим экономическим потенциалом. Теперь у страны больше ресурсов, которые она может тратить не только на восстановление экономической мощи государства, но и на продвижение определенных принципов и позиций за рубежом. Помимо этого, концептуально российская внешняя политика стремится к диверсификации, стала с положительным знаком оценивать глобализацию как явление и по-новому взглянула на источники внешних угроз для национальной безопасности, а также обозначила многостороннюю дипломатию как основу своей действенности [3, с. 62–69].

Все чаще в политическом дискурсе слышны слова о том, что укрепляющаяся мощь современной России берет свои истоки в Российской империи, а большая территория и военный потенциал прямо определяются как имперское наследие. Таким образом, российская общественность все ближе к пониманию имперского периода как позитивной эпохи в истории России и его соотнесения с советским периодом. Активизировалась дискуссия о формирующемся национальном сознании, национальной идеи и функционировании механизмов коллективной исторической памяти. Были предприняты масштабные попытки описания российской истории как единого целого, как последовательного и непрерывного процесса. В 2009 г. была создана президентская Комиссия по борьбе

с фальсификацией истории. 2012 г. был объявлен Годом истории, так как дата ознаменовала юбилеи важнейших исторических событий для истории – 200 лет с момента победы над французами в Отечественной войне, а также 400 лет освобождению Москвы от поляков [6, с. 196–198]. Был разработан единый курс по преподаванию истории в общеобразовательных школах.

С таким пониманием и в условиях растущего информационного противостояния происходит и активизация публичной дипломатии. В уставных выступлениях Д. А. Медведева и В. В. Путина все чаще звучат тезисы о развитии научно-технического и культурного потенциала России и обращении к ресурсу «мягкой силы», появляется формулировка «публичная дипломатия». Создаются институты и механизмы, призванные заниматься публичной дипломатией и продвижением российской «мягкой силы». В 2007 г. Министерством иностранных дел и Министерством науки и образования России был создан фонд «Русский мир», занимающийся продвижением русского языка за рубежом и работой с соотечественниками. В 2008 г. учреждено Федеральное агентство по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество); за границей открываются российские центры науки и культуры. В 2010 г. создаются Фонд поддержки публичной дипломатии им. А. М. Горчакова и Российский совет по международным делам. В 2012 г. В.В. Путин в предвыборной статье «Россия и меняющийся мир» дает определение понятию «мягкой силы» [10]. В Концепцию внешней политики 2013 г. было включено толкование «мягкой силы» и публичной дипломатии. В Концепции внешней политики 2016 г. «мягкая сила» называется неотделимым компонентом российской внешней политики.

Таким образом, очевидно, что при рассмотрении проблем российской публичной дипломатии необходимо понимать, что она развивается в рамках общего комплекса внешнеполитического инструментария, а его эволюционирование в свою очередь было затруднено после распада СССР в связи с необходимостью для России поиска своего места на мировой арене. Постсоветская Россия в 1990-е гг. была лишена четкого набора ценностей, который позволил бы сформулировать общепринятую национальную идею в стране, а также транслировать определенные установки этой идеи за рубеж, усиливая привлекательность образа России в иностранной общественности. Для эффективного функционирования публичной дипломатии необходимо понимание самим обществом

современных ценностных ориентиров, которые можно транслировать за рубеж в качестве позитивного имиджа России, как раз за счет публичной дипломатии.

Список литературы

1. *Roeder Ph.G.* Where nation-states come from: Institutional change in the age of nationalism. Princeton: Princeton university press, 2007.
2. *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3. С. 8–20.
3. *Богатуров А. Д.* Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международ. процессы. 2007. Т. 5, № 13. С. 54–58.
4. *Zonova T., Reinhardt R.* Main Vectors of Russia's Foreign Policy (1991–2014) // *Rivista di Studi Politici Internazionali*. 2014. Vol. 81, № 4. Settembre-dicembre. P. 501–516.
5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 24.02.1994 «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)» // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=417720#06801964916336778> (дата обращения: 15.03.2018).
6. *Малинова О. Ю.* Политическое использование прошлого как инструмент символической политики: эволюция дискурса властвующей элиты в постсоветской России // ПОЛИТЭКС. 2012. Т. 8, № 4. С. 182–189.
7. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 28 июня 2000 г. // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 16.03.2018).
8. Выступление Президента РФ В.В. Путина на пленарном заседании совещания послов и постоянных представителей России, 12 июля 2004 г. Москва, Министерство иностранных дел // Министерство иностранных дел. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/464562 (дата обращения: 12.03.2018).
9. *Путин В.* Россия и меняющийся мир // Московские новости. 2007. 27 февраля. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 11.04.2018).
10. Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Указом Президента РФ от 30 ноября 2016 г. // Гарант.Ру. Информ.-прав. портал. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71452062/> (14.03.2018).